

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА

БЕСЕДЫ С ЖАНОМ ПИАЖЕ*

© 2002 г. Жан-Клод Бранжье

Беседа тринадцатая

(Май–июнь, 1969)

СТУДЕНТЫ, УНИВЕРСИТЕТ, ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Бранжье: Каковы ваши взаимоотношения со студентами?

Пиаже: Как правило, превосходные, однако со времени начала студенческих волнений стало невозможно предсказать, что произойдет.

Бранжье: С мая 1968 года?

Пиаже: С мая. В условиях экзаменов, например. Экзамены в июле прошли хорошо. После этого всех студентов опрашивали о каждом экзаменаторе, и мои экзамены были сочтены... ну, как не совсем обычные, но разумные. Как вы знаете, студенты не протестовали.

Бранжье: Как Вы думаете, каким должен быть идеальный университет?

Пиаже: На каждом курсе должны проводиться исследования и семинары должны основываться на них.

Бранжье: С минимальной лекционной работой?

Пиаже: Да.

Бранжье: Когда Вы читаете лекции, Вы противоречите своим собственным идеям?

Пиаже: Обычно я останавливаюсь через двадцать минут после начала и спрашиваю, есть ли у кого вопросы или возражения. Это срабатывает. Иногда не имеет успеха, но время от времени я получаю живейший отклик от аудитории, и это очень приятно.

Бранжье: Вы и теоретик, и практик, поскольку проводите эксперименты. Что Вы думаете о взаимосвязи между теоретическими и прикладными исследованиями?

Пиаже: Я полагаю, что теоретическими исследованиями слишком часто пренебрегают.

Бранжье: Вы имеете в виду, что на это не выделяется достаточно средств?

Пиаже: Да, помимо всего прочего. На самом деле теоретические исследования имеют огромное значение, но специалистов в области прикладных исследований искушают не улучшать те-

оретические представления в том месте, которое может оказать влияние на их использование.

Бранжье: Теоретические исследования предполагают долгий срок, а люди, принимающие решения о финансировании, ориентированы на короткий срок?

Пиаже: Верно. Короче, теоретические исследования приводят к абсолютно непредвиденным практическим приложениям, поскольку если Вы ищете приложение, посвященное, прикладному исследованию, и выбираете какое-либо, то это будет, в конце концов, наименее продуктивным для практики. Максвелл с его симметричными уравнениями сделал в десять раз больше для практики, чем те ученые, которые в его времена работали над практическими исследованиями. Все максвелловские уравнения электродинамики созданы для элегантности и законченности системы и служат для ее обобщения и так далее – хотя это была чисто математическая работа, приведшая к сомнениям в симметрии и, в конечном итоге, к созданию теории относительности как доктрины. Но технических приложений полно в электричестве и полно в технике – радио и многих других областях! Все это создано благодаря уравнениям Максвелла!

Бранжье: Вы провели некоторое время в Принстоне. Вы встречались с Эйнштейном?

Пиаже: О да, к тому же мы переписывались. Самое необычное в нем – невероятная молодость сознания, интерес практически ко всему, его жажда знать практически обо всем – о детской психологии, к примеру.

Бранжье: Для него это развлечение?

Пиаже: Поначалу да. Но когда он погружается в проблему – что рано или поздно происходит – он немедленно видит все в целом. Он просто говорит: “Вот то, что вы ищете”.

Бранжье: Скорость...

Пиаже: Совершенно невероятная! Он немедленно видит то, что скрыто.

Бранжье: Что он нашел особенно интересным в Вашей работе?

*Bringuire Jean-Claude. Conversations with Jean Piaget. The University of Chicago Press, 1980.
Перевод С.В. Ильиной, Д.К. Сатина. Окончание.

Пиаже: Проблему скорости и времени – ранее он рекомендовал мне это – мы хотели посмотреть, было ли это примитивное интуитивное восприятие скорости. Но когда мы встретились в Принстоне снова, то, что привлекло его больше всего, были проблемы сохранения.

Брангье: И что же это было? Глина для моделирования?

Пиаже: Особенно переливание жидкостей. Вы наливаете воду в стакан определенной формы, потом переливаете в стакан другой формы, и все это без изменения ее количества. Его приводило в восторг то, с какими осложнениями и замешательствами вы сталкивались, чтобы освоить простейший кусочек знания. “Это будет потруднее физики”, – говорил он.

Брангье: А Оппенгеймер?

Пиаже: Я тоже знал его, но у нас было немного времени – он был занят.

Брангье: И когда Вы с ним познакомились?

Пиаже: Примерно в это же время – 1953-й, с 53 по 54-й в Принстонском институте, сотрудником которого был Эйнштейн.

Брангье: Должно быть, на Оппенгеймера произвел глубокое впечатление сброс атомной бомбы?

Пиаже: Да, помимо прочих проблем, это было основным поводом для печали.

Брангье: Как Вы думаете, они правильно поступили, что сделали ее? Бомбу?

Пиаже: Разумеется нет! Нет. И Оппенгеймер был абсолютно убежден в этом.

Брангье: Они сделали ее потому, что боялись: ее сделают немецкие физики.

Пиаже: Да. Как бы они могли поступить по-другому? Они сделали бы ее в любом случае.

Брангье: Вы...

Пиаже: Нацизм представлял такую опасность...

Беседа четырнадцатая

(Июнь, 1976)

НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ

*Как человек может достичь чего-то нового?
Возможно, это мой центральный вопрос.
Жан Пиаже*

Пиаже: То, что мы исследуем прямо сейчас, это “новые возможности”: как идея, возникшая в голове субъекта, может порождать новые возможности, открывать ему новые пути.

Брангье: И менять данные?

Пиаже: Данные и кое-что еще. Статус проблемы.

Брангье: Но здесь субъект – это ребенок или ученый?

Пиаже: О, эта проблема общая и для истории науки, и для процесса формирования интеллекта. В истории науки – это эвристики; для ребенка – это та же вещь, но меньших масштабов... Мы упорно трудились, и обнаружили значительно больше, чем ожидали найти сначала. Мы опасались, что недостаточно ограничили предмет исследования. Ведь фактически здесь есть большие различия в зависимости от уровня развития интеллекта.

Брангье: От уровня ребенка?

Пиаже: Да. Но сначала нужно сказать о наших методиках. Задача состояла в том, чтобы комбинируя объекты, расставлять кубики на доске по всем возможным направлениям, т.е. указать все возможные маршруты от пункта А к пункту В –

от дома до дерева. Или мы показывали наполовину закрытый ватой объект так, что была видна только его верхняя часть. Мы задавали вопросы: “Что находится под ватой?”, “Какие возможны варианты?” и т.д.

Невероятно то, что у четырех-пятилетних детей довольно бедные, недостаточно мобилизуемые “новые возможности”. Например, они должны построить треугольник из трех палочек. Они собирают из двух палочек крышу и хотят закрыть промежуток между ними. Но палочка для основания треугольника слишком короткая. И все, что им нужно сделать, это уменьшить угол, переместив две палочки на несколько миллиметров, чтобы получился замкнутый треугольник. Они хотят получить замкнутый треугольник, но у них нет его идеи. Но позже, где-то в возрасте около семи, дети начинают собирать треугольник с основания и показывают, что равносторонние, равнобедренные и неравнобедренные треугольники можно собрать на одном и том же основании.

Брангье: Вы видите пример обогащения?

Пиаже: Значительного обогащения. Далее, что дети говорят о наполовину скрытом предмете? Маленькие предполагают, что скрытая часть

симметрична той, что они видят. Если видна половина круга, то они полагают, что скрытой осталась другая половина круга. И это проявляется примерно до семи лет. Но после семи у детей появляются новые возможности, новые варианты.

Замечательно то, что почти во всех исследованиях, а мы провели их более дюжины, все изменения проявляются около одиннадцати-двенадцати лет. Например, в задаче нахождения всех возможных маршрутов из пункта А в пункт В маленькие дети указывают только прямую линию, и только позже дети пробуют усложнять вещи. Уже около семи они начинают показывать нам небольшой набор вариантов: это могут быть прямые, а могут быть и кривые – зигзаги. Но около одиннадцати... Я вспоминаю одного мальчика, когда его попросили показать маршруты из точки А в точку В, он сказал: “Но их же неопределенное число. Вы хотите, чтобы я перечислил все? Но это будет бесконечно”. И “бесконечность” становится обычной для понимания как описание или предикат, но, с другой стороны, эта безграничность идет из понимания числовых рядов. Итак, в каждом эксперименте вы наблюдаете экстраординарное развитие, соответствующее возрасту.

Брангье: Когда он сказал “бесконечность”, он имел в виду...

Пиаже: Это я сказал “бесконечность” (unlimited), они же говорят “неопределенность” (infinite), или “Я могу показать маршрутов столько, сколько вы захотите”. И, размещая три фишки на доске, ребенок приблизительно семи лет говорит то же самое: “Это неопределенность, вы можете поставить их куда угодно”. И когда вы уточняете: “А если бы доска была меньше размером? Если бы вместо этого большого квадрата был маленький”, он отвечает: “Это то же самое, но вместо сантиметров вы будете измерять доску в миллиметрах”. Ребенок, которого я только что упомянул, добавляет (он учился играть на скрипке): “Это то же самое, что на скрипке. Ноты различаются определенными расстояниями между собой. И они становятся все меньше и меньше, чем дальше нота от начала. Но это не зависит от длины грифа”.

Брангье: Они всегда будут разделяться.

Пиаже: Да, и это всегда будет бесконечность.

Брангье: И Вы видите параллели между происхождением идей и историей развития науки? Это же ваш центральный интерес.

Пиаже: Да, полностью. В обоих случаях новая идея является результатом, с одной стороны, комбинации данных и контекста проблемы, с другой – и процедуры открытий, совершаемых субъектом, решающим ее. Это комбинация данных проблемы и процедур, используемых для ее решения. Это общий механизм.

Большой вопрос, который возникает особенно в связи с историей науки: предопределена ли новая возможность прошлым опытом или это действительно создание чего-то нового?

Брангье: Я могу предположить Ваш ответ.

Пиаже: Да, ответ самоочевиден. Предположим, что возможности предопределены. Это означает, что “существует” набор (set) возможностей, уже представленных в объекте. Но что есть этот набор возможностей? Прежде всего, это не жесткий набор, но нечто высоко мобильное; каждая из возможностей предполагает другие, так что вы не знаете чем ограничен этот набор. Если вы говорите о наборе всех возможностей, то это антиномично, так же как набор всех наборов. Возможность целостная сама по себе. Но что может быть целостно, если оно простирается бесконечно?

В возможностях, опирающихся на процедуры, вы имеете процедуры, которые являются успешными. Но вы также совершаете и ошибки; и конечно, ошибка превращается в возможность; возможность – это набор гипотез, и некоторые из них ошибочные, а другие правильные. Так ошибки, если вы говорите на языке предопределения...

Был человек, который строго и превосходно логичен на этот счет. Это Бертран Рассел. Он был платонистом, когда начинал свою карьеру, полагая, что все логико-математические идеи предсуществуют в вечности в некоторой форме. И субъект постигает их вне себя посредством категорий и таким образом достигает восприятия данностей физического мира. Но что тогда делать с ошибочными идеями? Рассел, величайший логик, отвечает: “Ошибочные идеи существуют всегда подобно великим идеям, в общей совокупности возможностей” и добавляет: “Так же, как наряду с красными розами существуют и белые”.

Теперь он отрекся от этих абсурдных положений. И это показывает нам невозможность предопределения возможностей. Возможность – это действительно открытие кое-чего нового. Открытие, которое требует усилия. Вы видите ее как видит ребенок в возрасте четырех или пяти лет.

Брангье: Это исследование завершено?

Пиаже: Да, оно закончено, но работа еще не отредактирована. На этой неделе мы опробуем ее на нашем симпозиуме перед гостями, которые приехали с критическими предложениями.

Брангье: Оно войдет в название книги?

Пиаже: Да, эта работа уже началась, я продолжу ее в воскресенье после окончания симпозиума.

Брангье: Возможность, как Вы ее описываете, должна быть скорее в знаниях субъекта, чем

“предопределена в объекте”, как Вы выражаетесь?

Пиаже: По моим представлениям – физическая возможность существует только в голове физика; это дедуктивная установка, модель, в которую конкретный физик погружает реальный мир; и реальный мир объясним только в этом состоянии, встроенный в набор возможных вариаций, связанных необходимыми отношениями...

Бранжье: У физика или ребенка?

Пиаже: У физика. Но сама эта функция та же, что и у ребенка.

Например, в известном принципе Д'Алемберта виртуальной работы система находится в равновесии тогда, когда виртуальные процессы точно компенсируют друг друга, т.е. когда возможные трансформации системы, как и было рассчитано физиком, не происходят. Если система находится в равновесии, то это означает, что все преобразования компенсируют друг друга и алгебраическая сумма оказывается нулевой. В этом случае виртуальная работа – это дедукция физика, принимая во внимание, что объект непосредственно находится в равновесии; он статичен. Если я говорю о физическом мире, то возможность является всегда возможностью индивидуума, интерпретирующего мир. Биологическая возможность представляет собой другую проблему. Учитывая генотип и генофонд, мы имеем ряд возможных разновидностей, которые являются фенотипическими, т.е. результатом взаимодействий между генотипом, геномом и окружающей средой. Это набор возможных разновидностей составляет то, что называется “нормой реакции генома”, т.е. некоторые разновидности совместимы с генетической системой (принимая во внимание, что другие несовместимы и не могут возникать или оказываются не жизнеспособными). Так что понятие “норма реакции” на сей раз – возможность организма.

Почему мы помещаем возможность в организм, когда мы говорим о биологии, и отдаем ее скорее субъекту, чем физическому объекту, когда мы говорим о физике? Я ответил бы, что организм – уже субъект; это точка возникновения мыслящего субъекта...

Организм стремится к целям, это телеономичность, которой нет в физических системах; кроме того, он использует процедуры для достижения этих целей. Когда цель возникает, появляется возможность и возникновения нового знания. Со всех точек зрения, даже в простом морфологическом изменении, организм – это активный субъект, использующий процедуры для реализации целей, своей внутренней телеономией, которая направляет его на сохранение, размножение и т.д.

Бранжье: И мы вернулись к одной из Ваших основных идей, что нет никакого разрыва между биологией и знанием?

Пиаже: Конечно, источник возможности находится в организме, но его результатом становятся логико-математические дисциплины.

Бранжье: По завершении этого исследования оформилась ли у вас тема другой работы, вытекающей из этой?

Пиаже: Ну конечно. Теперь мы должны изучить стадии необходимости, которая всегда связана с возможностью. Когда вы имеете дело с системой, возможные изменения которой скоординированы друг с другом, вы имеете отношение необходимостей к возможностям. Мы должны изучить необходимость, и это мы сделаем в следующем сезоне.

Но когда мы только начали изучать возможность, мы столкнулись с явлением, которое мы могли бы предсказать; однако мы были весьма удивлены тем, насколько широко оно распространилось: это было первое понимание псевдонеобходимости. Например, дети полагают, что все квадраты должны лежать на своих основаниях и что если вы поставите один из них на угол, то это больше не квадрат, а два треугольника. Все псевдопотребности подобны этому. Или возьмите ребенка, которого я спросил, некоторое время назад: “почему луна сияет только ночью, а не днем?” Он ответил: “Луны нет, потому что она не решается выйти”. Как вы видите, есть беспорядочность между фактическим и нормативным, или между общим законом и необходимым правилом или необходимым отношением. Псевдонеобходимость чрезвычайно интересна с точки зрения возможности, потому что это источник ограничений. Открывая новые возможности, нужно освободить себя от псевдонеобходимостей в достижении реальных изменений.

Бранжье: Это Ваша новая область?

Пиаже: Новая область – развитие необходимостей.

Бранжье: А потом? Или Вы еще не знаете?

Пиаже: У меня есть гипотеза: псевдонеобходимость, действующая в начале, – это стадия, в течение которой возможность и действительная необходимость недифференцированы. Каждое явление – это актуализация из числа возможностей. И каждое явление становится необходимым в той степени, на которой оно представлено в системе возможных изменений, но в необходимом отношении к ним, поскольку составляет дедуктивную модель. Следовательно, действительность становится точкой пересечения или интерференции между возможным и необходимым. В этом состоит гипотеза.

Брангье: Я могу ошибаться, но подход, который Вы используете, – последовательного освоения различных областей – напоминает мне набор китайских коробочек; результат одного исследования становится частью новой области исследований.

Пиаже: Это наша мечта. (Тишина) Они обвиняют меня в ...

Брангье: Кто Вас обвиняет? И в чем?

Пиаже: Эмпирицисты. В наличии системы. Они говорят все время о “системе” Пиаже. Я же никогда не имел системы. Я последовательно изу-

чаю вещи. Я всегда стою перед неизвестностью с новой проблемой и фиксирую результаты того, что мы уже нашли. Хорошо, конечно, создать систему, но она непредусмотрима в отношении нового исследования.

Брангье: Этот последовательный порядок подобен “стадиям”. Это было бы в духе последователя Пиаже.

Пиаже: В прошлом я был в меньшей степени своим приверженцем. Но я начинаю быть им теперь.

ХРОНИКА

СЕМИНАР ДЛЯ СОТРУДНИКОВ КРИЗИСНЫХ СЛУЖБ МОСКВЫ И ПОДМОСКОВЬЯ

Центр психологической помощи женщинам “Ярославна” совместно с международной организацией “Системы в развитии” (Systems in Transition) провел в Москве в конце 2001 г. первый из двух – базовый – этап практически-ориентированного тренинга для тренеров “Оказание помощи пережившим социально-психологическую травму”. Тренинг был предназначен тем, кто непосредственно работает с пережившими травму, и предполагал широкое использование опыта самих участников.

Организатор семинара с российской стороны: региональная общественная организация Центр психологической помощи женщинам “Ярославна”. Организаторы со стороны “Системы в развитии”, они же ведущие: Дженсиз Лонг, клинический психолог, приглашенный лектор Семмелвайского медицинского университета и Юдит Херман, психолог, представитель Ассоциации женских прав “NANE” – оба из Будапешта.

На семинаре присутствовали психологи кризисных центров и женских общественных организаций Москвы и Подмосковья, работающие с женщинами, переживающими домашнее и иное насилие, с социальными сиротами, подростками с отклоняющимся поведением, с беженцами и вынужденными переселенцами. В числе участников были также сотрудники государственного муниципального центра психологической помощи семье и детям Северо-восточного административного округа.

В процессе тренинга участники систематизировали имеющиеся знания в данной области и приобрели новые, обогатили инструментарий, используемый в работе с клиентами и в проведении собственных тренингов и т.д.

В основу содержательной части тренинга был положен тройственный подход к травме: индивидуум, группа, культура. Ведущими темами были: виды травм и проблем, с которыми участники сталкиваются в работе и личной жизни; индивидуальные и общественные последствия травматического опыта; стадии исцеления; проблемы работы с пережившими домашнее и иное насилие; психогигиена специалиста, работающего с травматическими состояниями; профилактика травмы; пусковые механизмы насилия в семье и за ее пределами, предотвращение ситуаций, приводящих к насилию; связь насилия с проблемами самооценки, стыда и беспомощности.

Одним из полезных и ожидаемых результатов тренинга было формирование основ создания профессионального сообщества, заинтересованного в совместной деятельности.

Концепция тренинга, организованного Центром “Ярославна”, соответствовала духу и основным идеям Международной акции “Жизнь без насилия”.

*А.Х. Пашина, канд. биол. наук,
Ю.В. Градскова, канд. психол. наук,
Москва*